

ЦЕРЕМОНИАЛ БОЛЬШИХ КРЕМЛЕВСКИХ ПРИЕМОВ (БАНКЕТОВ) 1930-Х—1940-Х ГГ.

Владимир Александрович НЕВЕЖИН¹

Резюме: Тосты относятся к разряду устоявшихся, оформленных застольных жанров, «в которых сложившиеся репутации прилюдно обнаружены и проходят сквозь фильтр общественного мнения». Они как бы задают временную структуру застолья, которая, в свою очередь, «служит проекцией микросоциальной структуры сообщества»². Тост является своеобразным средством реализации ценностных доминант русского застолья. Как правило (и подтверждением этого являются церемониал больших кремлевских приемов 1930-х – 1940-х гг.), тосты были многочисленными и разнообразными. Среди них можно выделить: вступительные, пригласительные, благодарственные, ответные и т.д. и т.п. Одним из значимых элементов застольной системы ценностей является выражение оценочного отношения к сотрапезникам

Ключевое слово: Октябрьской революции, церемониал, Кремль, Сталин, Георгиевском зале

Общение за накрытым столом, где поглощаются яства и алкогольные напитки, как специфическая и своеобразная форма межчеловеческих отношений, принято называть *застольем*. В качестве объекта исследования застолья привлекают внимание ученых различных специальностей: начиная от историков и философов и кончая культурологами и лингвистами.

Наряду с обобщающим термином «застолье» существует ряд понятий, призванных характеризовать различные его виды. Среди них – дефиниция *прием*, или *банкет*. Прием – это торжественное, праздничное действо. В зависимости от значимости события и состава участников, по поводу или в честь которых организуются торжества, различаются официальные и неофициальные приемы. Прием (банкет) – это званый обед или ужин, который устраивается в честь кого-либо или по какому-нибудь торжественному поводу (например, в честь общегосударственного праздника, знаменательного события в истории страны).

Как видный государственный и политический деятель, Сталин умело использовал застолья для упрочения создаваемого им режима, для укрепления власти в большевистской партии и в советском государстве. В Большом

---

¹ Владимир Александрович Невежин (Vladimir Nevejin) is a Russian historian (*Doctor of History Sciences*), is working as a professor in Moscow, chief scientific collaborator at the *Institute of Russian History* (of the Russian Academy of Science) and member of the editorial board of the journal *Отечественная история* (*History of the Fatherland*).

² Щепанская Т.Б. Феномен «команды» в российской политической культуре советского и постсоветского периодов // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. В 2-х т. Т. 2. СПб., 1007. С. 276.

Кремлевском дворце с его участием устраивались пышные банкеты (приемы). На них в качестве гостей приглашались представители советской партийной, военной, научно-технической, интеллектуальной элиты. По числу участников (оно доходило порой до 1500–2000 человек), по месту их проведения (Большой Кремлевский дворец), наконец, по своей исключительной социальной и политической значимости такого рода сталинские застолья можно с полным основанием назвать **большими кремлевскими приемами**.

Эти банкеты имели свою топографию. Все они происходили в Большом Кремлевском дворце. Доминирующей частью его является один из орденских залов – Георгиевский. Общая площадь этого парадного помещения превышает 1200 м², а высота потолка достигает 17,5 м. Свое название зал получил от учрежденной в 1769 г. императрицей Екатериной II высшей воинской награды – ордена Святого Георгия³.

Чаще всего большие кремлевские приемы устраивались именно в Георгиевском зале.

Когда же количество приглашенных на банкет было сравнительно небольшим (до 500 чел.), он проходил в Грановитой палате — древнейшем гражданском здании Москвы, сооруженном в конце XV в. специально приглашенными в Москву итальянскими зодчими Марко Фрязиным и Пьетро Антонио Солари. Она имеет форму квадрата с массивной четырехгранной, мастерски исполненной опорой посередине, которая постепенно расширяясь, вверху незаметно переходит в стрельчатые своды. Грановитая палата хорошо освещена, украшена росписью на церковно-исторические темы. Общая площадь Парадного (Светлого) зала Грановитой палаты достигает около 500 квадратных метров⁴.

После сооружения в Большом Кремлевском дворце Зала заседаний и гостевой пристройки, дворец обрел общегосударственный статус. Здесь проходили все важнейшие государственные мероприятия, в том числе – большие кремлевские приемы. Во время банкетов, когда количество гостей превышало 1000 чел., помимо Георгиевского зала и Грановитой палаты, они размещались еще в одном парадном зале – Владимирском и в других помещениях.

Владимирский зал получил свое наименование от учрежденного Екатериной II в 1782 г. ордена Святого Равноапостольного князя Владимира. Задуманный по форме как квадратный, этот зал благодаря наличию специальных угловых ниш имел в завершенном виде форму восьмигранника, символизировавшего православный крест. Стены Владимирского зала выложены розовым мрамором, имеют большие, широкие арки. Вверху – хоры, скрытые аркадой. Оттуда открывается прекрасный вид на Георгиевский зал.

³ Большой Кремлевский дворец: Фотоальбом. М., 2010. С.187-197.

⁴ Там же. С.31-35.

Владимирский зал является своеобразным ядром всего дворцового комплекса и главным соединительным звеном между древними и новыми частями Большого Кремлевского дворца. Из него стеклянные двери с изображением знака Георгия Победоносца ведут в Георгиевский зал⁵.

Всего с мая 1935 по май 1941 г. и с мая 1945 г. по декабрь 1949 гг. имело место 47 больших кремлевских приемов. Для организации этих грандиозных банкетов избирались различные поводы. В основном они приурочивались к государственным праздникам (1 мая, 7 ноября), важным событиям в жизни страны (Победа над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.) либо символизировали закрепление позиций СССР в области внешней политики, достижения советской страны в сфере развития промышленности, транспорта, авиации, науки, культуры.

2 мая 1935 г., 2 мая 1936 г., 2 мая 1937 г., 2 мая 1938 г., 5 мая 1939 г. 2 мая 1940 г., 2 мая 1941 г., 3 мая 1947 г. в Кремле принимали участников праздничных первомайских парадов, которые проводились на Красной площади. 8 ноября 1938 г. и 8 ноября 1939 г. большие кремлевские приемы устраивались для тех, кто проходил парадным маршем по Красной площади в очередную годовщину Октябрьской революции. 4 мая 1935 г., 5 мая 1936 г., 7 мая 1939 г., 5 мая 1941 г. на банкете в Большом Кремлевском дворце руководители большевистской партии и Советского государства чествовали выпускников военных академий.

27 июля 1939 г. кремлевский прием был устроен в по поводу нового праздника – Дня Военно-морского Флота. В 1945 г. участниками банкетов Кремле являлись командующие войсками Красной армии (24 мая) и участники Парада Победы (25 июня)⁶.

Таким образом, представители Красной (советской) армии и Военно-Морского Флота в 1930-х – 1940-х гг. являлись виновниками торжества на 17-ти банкетах в Кремле.

10 раз на прием в Кремль приглашались участники республиканских декад искусства, традиционно устраивавшихся в Москве: Украинской ССР (22 марта 1936 г.), Казахской АССР (25 мая 1936 г.), Грузинской ССР (14 января 1937 г.), Узбекской ССР (31 мая 1937 г.), Азербайджанской ССР (17 апреля 1938 г.), Киргизской ССР (5 июня 1939 г.), Армянской ССР (4 ноября 1939 г.), Белорусской ССР (17 июля 1940 г.), Бурят-Монгольской АССР (30 октября 1940 г.), Таджикской ССР (22 апреля 1940 г.)⁷. 29 мая 1940 г. большой кремлевский прием был приурочен к завершению показа достижений

⁵ Там же. С.197-203..

⁶ Неужин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 1. Большие кремлевские приемы 1930-х – 1940-х гг. М., 2011. С. 94-96.

⁷ Там же. С. 111-125.

театрального и музыкального искусства Ленинграда, который прошел в столице СССР с 10 по 26 мая 1940 г.⁸.

17 мая 1938 г., по окончании совещания работников высшей школы, пригласили на банкет в Кремль его участников⁹.

В предвоенные годы СССР начал освоение арктических просторов. Была проведена большая работа по организации первой научной экспедиции на Северный Полюс, которую возглавил академик С.О. Шмидт. В конце мая-начале июня 1937 г. на лед была с самолетов высажена группа исследователей (И.Д. Папанин, П.П. Ширшов, Е.К. Федоров, Э.Т. Кренкель). С этого момента начала свою деятельность советская дрейфующая станция «Северный Полюс-1», начальником которой был назначен И.Д. Папанин. Участники дрейфа стали с этого момента именоваться «папанинцами».

Между тем с началом полярного лета льдина, на которой помещались «папанинцы», начала подтаивать и пустилась в дрейф. Пришлось организовывать новую экспедицию, теперь уже по спасению группы И.Д. Папанина, которая завершилась успешно. 17 марта 1938 г. «папанинцев», прибывших в Москву, торжественно поздравляли на банкете в Кремле¹⁰.

Последний по времени кремлевский приемом, на котором отмечались заслуги исследователей Арктики, был устроен 2 февраля 1940 г. и приурочивался к завершению почти трехлетнего дрейфа ледокольного парохода «Седов»¹¹.

30 июня 1945 г. состоялся грандиозный банкет в Большом Кремлевском дворце по случаю завершения торжеств (помимо советских ученых, в них приняли участие деятели науки еще 19-ти стран), посвященных 220-летию Академии наук¹².

Следовательно, всего в предвоенные годы и после победного завершения Великой Отечественной войны деятели советской науки и культуры приглашались на приемы в Кремль 15 раз.

6 раз (13 августа 1936 г., 25 июня 1937 г., 26 июля 1937 г., 23 августа 1937 г., 27 октября 1937 г., 23 мая 1939 г.) чествовали на больших кремлевских приемах советских летчиков (В.П. Чкалов, Г.Ф. Байдуков, А.В. Беляков, М.М. Громов, А.Б. Юмашев, С.А. Данилин, В.К. Коккинаки, М.Х. Гордиенко) и летчиц (В.С. Гризодубова, П.Д. Осипенко, М.М. Раскова), участников сверхдальних беспосадочных авиаперелетов по маршрутам Москва – Дальний Восток и Москва – Северный Полюс – Соединенные Штаты Америки¹³.

⁸ Там же. С. 120.

⁹ Там же. С. 109.

¹⁰ Там же. С. 108.

¹¹ Там же. С. 108-109.

¹² Там же. С. 109.

¹³ Там же. С. 99-104.

В Кремле принимали работников железнодорожного транспорта (30 июля 1935 г.), металлургической и угольной промышленности (29 октября 1937 г.)¹⁴. Дважды банкеты устраивались для участников Всесоюзных парадов физкультурников (20 июля 1939 г., 22 июля 1948 г.)¹⁵.

В череде больших кремлевских приемов предвоенного периода можно выделить один банкет, являвшийся, выражаясь современным языком, эксклюзивными по своему характеру. Это – прием депутатов Верховного Совета СССР первого созыва (20 января 1938 г.)¹⁶.

Во время публичных застолий, к числу которых относятся и большие кремлевские приемы, высокой степенью символичности отличаются еда и питье, тосты и беседы, песни и танцы, места проведения. Подобные знаки или знаковые действия имеют самое непосредственное отношение к системе культурных ценностей. В ценностной ориентированности заключается истинный смысл застольного церемониала, кроется его подлинное содержание и коренное отличие от будничного приема пищи. Еда, питье, застольный процесс наряду с ценностями, скрытыми за ними, образуют неразрывное единство, а само застолье можно рассматривать как образное выражение определенных ценностей, на основании которых строится весь его церемониал¹⁷.

Церемониалам свойственны высокая степень стандартизации, стилизации, повторяемость и определенная устойчивость по отношению к процессу исторических изменений. Они проводятся в специальных помещениях, в определенное время, по известным поводам, являясь экспрессивными, непосредственно совершаемыми действиями.

Торжественные публичные инсценировки служат средством представления авторитета, включения его в коммуникационный процесс. Они служат не только для маскировки власти, но и позволяют ее носителям осознать свое место во властной структуре. Церемониальные инсценировки носят сугубо политический характер, оказывая нормативное воздействие также на властную элиту. Репрезентация власти и иерархия являются основным условием для их восприятия и обеспечения связанной с этим относительной стабильности властных структур и их воспроизводства. В свою очередь, церемониальные инсценировки являются частью «системы оповещения», в рамках которой социальная группа постоянно утверждает себя в своей идентичности и сплоченности с помощью опознавательных знаков, которые отличают ее от других. Одновременно она заявляет о своих властных

---

¹⁴ Там же. С.105-106.

¹⁵ Там же. С. 110-111.

¹⁶ Там же. С. 126.

¹⁷ Ма Яньли. Застольный ритуал и концепт «Застолье» в китайской и русской лингвокультурах. Дис...к. филол. н. Волгоград, 2005. С. 8–9.

полномочиях в общении с внешним миром. В целом, власть не удовлетворяется лишь фактом собственного существования, нуждаясь для своего представления и притягивая, легитимации и стабильности в церемониальных инсценировках¹⁸.

Одной из основных составляющих негласного протокола больших кремлевских приемов являлся сбор приглашенных и занятие ими своих гостевых мест. Совершенно уверенно можно заявить, что существовала определенная «иерархия места», которую должны были соблюдать гости, представители сталинской элиты, «приобщенные» к публичному застолью. Каждый из них получал (через Управление Комендатуры Московского Кремля, ведавшей охраной кремлевской территории) именное приглашение на прием, в котором указывались: дата банкета, время его начала, помещение, где он проходил (например, Георгиевский зал), номер гостевого стола и номер места за ним.

В личном архивном фонде С.М. Эйзенштейна сохранился пригласительный билет на прием участников декады киргизского искусства. Он выполнен в светло-коричневых тонах. На обложке – киргизский национальный орнамент (зеленый, красный цвета). Имеется изображение Герба Киргизской ССР и напечатан призыв «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». Типографский текст гласит:

ПРИГЛАСИТЕЛЬНЫЙ БИЛЕТ № 358

Тов. Эйзенштейн С.М.

Комитет по делам искусств при Совнаркоме СССР приглашает Вас на прием участников ДЕКАДЫ КИРГИЗСКОГО ИСКУССТВА.

Прием состоится 5 июня 1939 года в 6 часов вечера в Большом Кремлевском Дворце.

Вход в Спасские и Боровицкие ворота.

Георгиевский зал, стол № 25¹⁹.

В левом нижнем углу пригласительного билета – круглая печать Управления коменданта Московского Кремля²⁰.

С середины 1930-х гг. стала преобладающей тенденция перенесения времени начала больших кремлевских приемов с раннего на более позднее время. Согласно газетным отчетам, самое раннее время, на которое был назначен один из приемов – 15.00²¹. Отдельные банкеты могли начинаться и в

¹⁸ Рольф М. Советские массовые праздники. М., 2009. С. 23-25.

¹⁹ Номер стола вписан от руки – **В.Н.**

²⁰ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1923. Оп. 1. Д.2621. Л.2-3. В личном фонде С.М. Эйзенштейна сохранился также пригласительный билет на прием участников декады таджикского искусства (22 апреля 1941 г.), по своему оформлению идентичный вышеописанному (РГАЛИ. Ф. 1923. Оп. 1. Д. 2621. Л. 4-5).

²¹ Правда. 1936. 4 мая.

16.00²², и в 17.00²³, и в 17.30²⁴, и в 17.45²⁵. Однако, во второй половине 1930-х гг. время начала приема устанавливалось чаще всего: в 18.00²⁶; в 19.00²⁷; в 20.00²⁸. В послевоенный период, как правило, большие кремлевские приемы начинались в 19.00²⁹ и в 20.00³⁰.

Пройдя контроль на пропускных пунктах, приглашенные на прием входили в Большой Кремлевский Дворец и рассаживались на указанных гостевых местах. При рассадке учитывались правила, практиковавшиеся на дипломатических раутах. Первые рекомендации на сей счет, предназначавшиеся для сотрудников НКВД СССР, были разработаны еще в 1920-е гг. Они требовали, в частности, при рассадке гостей строго придерживаться их рангов. Наиболее почетными считались места, ближайшие к хозяину застолья. Все приглашенные имели гостевые билеты с указанием номера стола и места за ним³¹.

По окончании рассадки гости в течение некоторого времени ожидали появления хозяев – Сталина и представителей его «ближнего круга». Подобного рода ожидание лишь подогревало желание гостей поскорее увидеть вождя. Неподдельный восторг охватывал их, когда, наконец, в Георгиевском зале появлялись члены Политбюро ЦК ВКП (б) и руководители Советского правительства во главе со Сталиным.

Не только появление Сталина и его ближайших соратников, но и виновников торжества, т.е., тех, в честь кого, собственно, устраивались банкеты (представители командования Красной армии; героические летчики; участники декад республиканского искусства и другие) присутствующие в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, как правило, встречали с огромным воодушевлением.

Параллельно сцене в Георгиевском зале стоял стол президиума, за которым размещались члены Политбюро, причем в центре его всегда сидел Сталин. Остальные (гостевые) столы располагались перпендикулярно главному – до самого конца зала.

Если прием проходил в Грановитой палате (таких случаев за изучаемый период было всего три), то сервировались два больших стола, установленных в

---

²² Правда. 1938. 28 окт.

²³ Правда. 1938. 18 марта.

²⁴ Правда. 1937. 23 авг.

²⁵ Правда. 1939. 6 мая.

²⁶ Правда. 1935. 4 мая; 1937. 4 мая; 1939. 4 июня; 1940. 3 февр.

²⁷ Правда. 1937. 1 июня; 1939. 28 июня, 9 нояб.; 1940. 4 мая, 18 июня, 31 окт.; 1941. 23 апр., 4 мая.

²⁸ Правда. 1939. 5 нояб.; 1940. 11 авг.

²⁹ Правда. 1945. 1 июля.

³⁰ Правда. 1945. 25 мая, 27 июня; 1947. 4 мая; 1948. 23 июля.

³¹ Лядов П.Ф. История российского протокола. М., 2004. С. 11.

форме буквы «Т». В этом парадном помещении Большого Кремлевского дворца, как правило, между узкими столами оставалось небольшое пространство, и гости испытывали от этого тесноту. Сталин и члены Политбюро ЦК ВКП (б) занимали места в центральной части первого стола.

Количество людей за гостевыми столами не на всех больших кремлевских приемах было постоянным, а определенным образом варьировалось в зависимости от общего числа участников (от 4-х до 20-ти-30-ти)³².

Вслед за рассадкой хозяев и гостей в Георгиевском зале начиналась, без сомнения, самая приятная для всех его участников часть банкета – собственно застолье, сопровождавшееся тостами.

Тосты относятся к разряду устоявшихся, оформленных застольных жанров, «в которых сложившиеся репутации прилюдно обнаруживаются и проходят сквозь фильтр общественного мнения». Они как бы задают временную структуру застолья, которая, в свою очередь, «служит проекцией микросоциальной структуры сообщества»³³. Тост является своеобразным средством реализации ценностных доминант русского застолья. Как правило (и подтверждением этого являются церемониал больших кремлевских приемов 1930-х – 1940-х гг.), тосты были многочисленными и разнообразными. Среди них можно выделить: вступительные, приглашительные, благодарственные, ответные и т.д. и т.п. Одним из значимых элементов застольной системы ценностей является выражение оценочного отношения к сотрапезникам³⁴.

Е.С. Громов утверждал, что Сталин на правах гостеприимного хозяина якобы выступал перед участниками декад республиканского искусства с приветственными речами. «Присутствующие, – не без сарказма писал Громов, – немели от восторга, потом зал взрывался овациями. Кто-то из наиболее почетных гостей выступал с ответной благодарственной речью»³⁵.

На самом деле на больших кремлевских приемах И.В. Сталин *никогда* не провозглашал первый тост. За соблюдением очередности тостов и здравиц следил тамада. Слово «тамада» имеет происхождение из Грузии. Оно переводится с грузинского языка как «руководитель, ведущий, возбуждающий аппетит». Это – главный человек за столом³⁶.

Как правило, в роли тамады выступал кто-либо из ближайших соратников Сталина. Несомненными «лидерами» в этом деле можно считать В.М. Молотова и К.Е. Ворошилова, каждый из которых по 11 раз «вели стол»

³² Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 1. С.253-254.

³³ Щепанская Т.Б. Феномен «команды» в российской политической культуре советского и постсоветского периодов // Антропология власти. Хрестоматия по политической антропологии. В 2-х т. Т. 2. СПб., 1007. С. 276.

³⁴ Ма Яньли. Указ. соч. С. 10.

³⁵ Громов Е.С. Сталин. Искусство и власть. М., 2003. С. 330.

³⁶ Болквандзе Н.М. Грузинское застолье: Искусство тамада. М., 2004. С. 59.

на больших кремлевских приемах 1930-х—1940-х гг.³⁷ При этом Ворошилов, как представляется, более успешно справлялся с ролью тамады. Чаще всего ему удавалось совмещать в своей речи импровизированные обращения к гостям с призывами поддержать очередную здравицу и рутинные, официальные тосты.

Историк С.О. Шмидт, сын известного советского полярного исследователя С.О. Шмидт, 15-летним подростком присутствовавший на большом кремлевском приеме 25 июня 1937 г., впоследствии вспоминал: «Он (К.Е. Ворошилов – *В.Н.*) выглядел крепышом, говорил с живостью и незамысловато [...] Смеялся он громко, зазывающе». С.О. Шмидт предполагал, что имелся зафиксированный на бумаге порядок тостов, поскольку перед каждой очередной здравицей тамада К.Е. Ворошилов «надевал роговые очки и что-то читал»³⁸.

В роли тамады В.М. Молотов качественно уступал Ворошилову. Оба различались по складу характера. К.Е. Ворошилов был прост и искренен. Известный советский дипломат А.М. Коллонтай дала ему следующую характеристику «Всегда жизнерадостный [...], вносящий живое веселье в любой коллектив за столом или после собраний»³⁹.

В.М. Молотов, наоборот, предстает в воспоминаниях современников как сухой, редко улыбающийся и угрюмый человек. Один из его помощников писал в своих мемуарах: «Шуток он не любил и не понимал, а его редкие собственные попытки пошутить выглядели натужными и искусственными»⁴⁰. Не случайно поэтому, тосты которые произносил Молотов на кремлевских приемах, как правило, не отличались остроумием, были официальными и однообразно-скучными.

Когда прием устраивался в честь участников республиканских декад искусства, роль тамады брал на себя действующий либо исполнявший в то время обязанности Председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР – П.М. Керженцев⁴¹, А.И. Назаров⁴², М.Б. Храпченко⁴³. Храпченко также являлся

³⁷ О В.М. Молотове-тамаде см. официальные газетные отчеты: Правда. 1938. 21 янв., 18 марта, 28 окт.; 1939. 24 мая, 21 июля; 1940. 3 февр., 11 авг.; 1945. 25 мая, 27 июня; 1947. 4 мая; 1948. 23 июля. О том, как «вел стол» К.Е. Ворошилов см.: Правда. 1935. 4, 6 мая; 1936. 4, 6 мая; 1937. 4 мая, 26 июня; 1938. 4 мая, 9 ноября; 1939. 6, 8 мая; 1940. 4 мая.

³⁸ Шмидт С.О. Приемы в Кремле в честь полярников // Шмидт С.О. История Москвы и проблемы москвоведения. М., 2004. С. 274.

³⁹ Цит. по: Труш М.И. От политики революционной борьбы к победам на дипломатическом фронте. Жизненный путь А.М. Коллонтай: «Золотая ветвь дипломатии России». М., 2010. С. 352.

⁴⁰ Ерофеев В.И. Дипломат: книга воспоминаний. М., 2005. С. 116.

⁴¹ Правда. 1936. 23 марта, 26 мая; 1937. 14 янв., 1 июня.

⁴² Правда. 1938. 18 апр.

⁴³ Правда. 1939. 6 июня, 5 нояб.; 1940. 18 июня, 31 окт.; 1941. 23 апр.

распорядителем стола на приеме участников показа театрального и музыкального искусства Ленинграда (29 мая 1940 г.)⁴⁴.

Два раза разу в роли тамады на больших кремлевских приемах выступил Народный Комиссар обороны СССР С.К. Тимошенко⁴⁵, по одному разу: Г.К. Орджоникидзе⁴⁶, А.А. Жданов⁴⁷, С.М. Будённый⁴⁸, С.В. Кафтанов (Председатель Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР)⁴⁹, Н.М. Шверник⁵⁰.

Е.С. Громов уверял, что во время кремлевских приемов участникам республиканских декад искусства «объявлялось о даруемых наградах»⁵¹. На самом деле, решение о награждении орденами и медалями деятелей республиканской культуры, а также о размере предназначавшихся им денежных премий проводилось через Политбюро ЦК ВКП (б) по представлению руководства конкретной республики и публиковались после проведения банкета. Совместно с СНК СССР по завершении очередной республиканской декады искусства Политбюро также принимало постановления о выделении бюджетных средств на строительство театров, концертных залов, а также жилых домов для деятелей культуры союзных и автономных республик — участников декады⁵².

Сохранился интересный рукописный документ, озаглавленный «Порядок выступлений в Кремле (17/VI – 40 г.)». Судя по дате, он относится к приему в Кремле участников декады белорусского искусства. Документ состоит из 4-х пунктов: «1. Открывает – М.Б. Храпченко. 2. Александровская (ст. 2)⁵³. (Сталин). 3. Владомирский (ст. 4), нар[одный] артист БССР (Молотов). 3. Жданович (ст. 4). (Калинин)»⁵⁴. При сравнении цитированного документа с официальным газетным отчетом о приеме участников декады белорусского искусства в Москве легко установить, что в этом документе намечена последовательность выступлений на упомянутом банкете. Действительно, застолье открылось выступлением М.Б. Храпченко, который предоставил слово народной артистке БССР Л.П. Александровской, провозгласившей в конце своего небольшого выступления тост за Сталина. Затем выступил народный

⁴⁴ Правда. 1940. 30 мая.

⁴⁵ Правда. 1941. 4, 6 мая.

⁴⁶ Правда. 1936. 14 авг.

⁴⁷ Правда. 1939. 28 июля.

⁴⁸ Правда. 1939. 9 нояб.

⁴⁹ Правда. 1938. 18 мая.

⁵⁰ Правда. 1949. 24 дек.

⁵¹ Громов Е.С. Указ. соч. С. 330.

⁵² Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б). Повестки дня заседаний. 1919—1952: Каталог. Т. 2. 1930—1939. М., 2001. С. 831, 867–868, 967, 1093; Т. 3. 1940—1952. М., 2001. С. 64, 112, 189.

⁵³ Скорее всего, в данном случае указан номер гостевого стола в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца – **В.Н.**

⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 962. Оп. 21. Д. 18. Л. 130.

артист БССР В.И. Владомирский, поднявший бокал за здоровье В.М. Молотова. Наконец, еще одна участница декады белорусского искусства, заслуженная артистка БССР И.Ф. Жданович предложила здравицу в честь М.И. Калинина⁵⁵.

Следует отметить, что подобный «сценарий», предполагавший последовательность тостов на кремлевских приемах в честь участников республиканских декад искусства, с указанием фамилий Сталина, Молотова и Калинина, во второй половине 1930-х – начале 1940-х гг. соблюдался неукоснительно⁵⁶.

Присутствие в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца общительных, нарядно одетых, красивых артистов а, в особенности, привлекательных актрис, в какой-то степени сглаживало натянутость и напряженность обстановки, для каковых было, конечно, достаточно причин. Одна из таких причин – наличие на приемах сотрудников органов НКВД, которые осуществляли охрану. Чекисты не только проверяли документы приглашенных на банкет у кремлевских ворот, но и находились среди них в Георгиевском зале.

Никому не разрешалось подходить близко к Сталину в ходе застолья, а по его окончании охрана сопровождала гостей на выход. При этом двигаться мимо «главного стола», т.е. стола президиума, категорически запрещалось.

Однако на банкетах в Кремле порой имело место прямое общение Сталина и членов Политбюро ЦК ВКП (б) с виновниками торжества, когда в нарушение установленного порядка им предоставлялась возможность свободно двигаться в сторону президиума, минуя охрану. С одной стороны, это вполне соответствовало церемониалу больших кремлевских приемов, ибо преодоление незримой «полосы отчуждения», существовавшей между столом президиума и гостевыми столами и бдительно оберегавшейся охраной, происходило здесь по инициативе хозяев (самого И.В. Сталина и его ближайшего окружения). С другой стороны, подобные «вольности» приводили к нарушению церемониала, что не могли не заметить присутствующие.

Один из такого рода казусов имел место на большом кремлевском приеме 17 марта 1938 г. в честь «папанинцев». К этому времени летчик В.А. Чкалов, участник двух сверхдальних беспосадочных авиаперелетов, удостоенный за этот подвиг звания Героя Советского Союза, скорее всего, вполне осознавал свое положение всенародного кумира и близость к И.В. Сталину. Так или иначе, но на упомянутом банкете в Кремле Чкалов вольно или невольно нарушил установленный церемониал. Во-первых, он перебил Сталина, произносившего с бокалом в руке свою застольную речь. Во-вторых, без всякого приглашения буквально «выскочил» к столу президиума. В-третьих,

⁵⁵ Правда. 1940. 18 июня.

⁵⁶ Правда. 1938. 18 апр., 1939. 6 июня; 1940. 31 окт.; 1941. 23 апр.

стал звать за собой других Героев Советского Союза, присутствовавших в Георгиевском зале Большого Кремлевского Дворца. Наконец, в-четвертых, попытался фамильярничать с генсеком⁵⁷.

В свою очередь, И.В.Сталин, которого начала раздражать навязчивая активность В.П. Чкалова, постарался разрядить ситуацию и восстановить нарушенный порядок застолья. Вначале он предпринял попытку успокоить «не утомившегося» Чкалова. Но когда эта затея не удалась, то, Сталин вместе с героем-летчиком удалился в соседний зал. Вернувшись спустя некоторое время к гостям, вождь сказал: «Чкалов человек способный, талантливый, самородок..., он взял меня в свои секретари. Что ж остается делать — я согласен». В конце приема Сталин прошелся вдоль столов, что-то отыскивая. Наконец, заметил бутылку нарзана, приблизился к месту, где сидел Чкалов, «отодвинул в сторону графин с коньяком, поставил перед ним нарзан и сказал: “Пей!”»⁵⁸.

В конечном счете, нарушение известным летчиком церемониала и этикета кремлевского приема не имело для него никаких последствий. Несмотря на то, что В.П. Чкалов дерзнул прервать сталинскую застольную речь, советский вождь отнесся к этому снисходительно и лишь акцентировал внимание собравшихся на молодом возрасте смельчака, а также указал на его излишнюю горячность. Однако в дальнейшем Сталин не упускал случая публично подтрунить над прославленным летчиком. Так, на приеме экипажа самолета «Родина» (27 октября 1938 г.) он дважды обращался к Чкалову. В начале банкета, когда «виновницы торжества» В.С. Гризодубова, П.Д. Осипенко и М.М. Раскова под аплодисменты присутствующих появились в зале, Сталин, повернувшись к нему, задал риторический вопрос: «Чкалов, что теперь делать будешь, смотри, куда женщины слетали?». Засмеявшись, тот ответил: «Много есть еще на земле “белых пятен”, есть еще куда слетать, товарищ Сталин!».

Этот же вопрос вождь задал по завершении своей небольшой застольной речи. В памяти одного из участников этого банкета надолго отложился кульминационный момент этого сталинского выступления: «В зале стояла абсолютная тишина. Все с напряженным вниманием слушали оратора. Сталин сделал паузу и с каким-то необычным юмором закончил: “Сегодня женщины отомстили нам, мужчинам. Что теперь ты, Чкалов, делать будешь?”». На сей раз известный летчик предпочел промолчать: «Раздался всеобщий смех, звенели бокалы с вином, застучали ножи и вилки»⁵⁹.

Большие кремлевские приемы порой использовались Сталиным для произнесения тостов и застольных речей, которые в условиях его практически

⁵⁷ Невежин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 1. С. 270-276.

⁵⁸ Там же. С. 423.

⁵⁹ Отечественная история. 2003. № 3. С. 54.

неограниченного господства в стране и в партии неизменно носили директивный характер. Всего выступления вождя за выделенный выше период имели место 12 раз. Наиболее известные из них – «Кадры решают всё!» (4 мая 1935 г.); тосты «За здоровье Ленина и ленинизма!» (17 мая 1938 г.); «За здоровье великого русского народа!» (24 мая 1945 г.)⁶⁰.

Каждый из описываемых банкетов в Кремле сопровождался большим концертом, программа которого составлялась Комитетом по делам искусств при СНК СССР, в непосредственном ведении которого находились Большой театр СССР, МХАТ, Государственный академический Малый театр, театр им. Вахтангова.

Можно с уверенностью сказать, что, включая праздничные концертные программы в качестве важной составной части в церемониал больших кремлевских приемов, организаторы торжественных застолий в Кремле действовали по образу и подобию устроителей дипломатических раутов. Советские дипломатические рауты проходили «по полной протокольной программе», непременным атрибутом которой являлись выступления известных певцов, музыкантов и театральных актеров. Например, официальный обед, устроенный от имени Коллегии НКВД СССР (6 мая 1926 г.) сопровождался небольшой концертной программой, в которой принимали участие певицы Н.А. Обухова, А.В. Нежданова, певец Л.В. Собинов, балерина В.В. Кригер. 12 мая 1930 г. на аналогичном дипломатическом рауте силами театра Станиславского были поставлены первое действие опер «Пиковая дама» П.И. Чайковского и «Богема» Дж. Пуччини⁶¹.

Поначалу концерты, которыми сопровождалась банкеты в Кремле, были весьма скромными (в основном, выступал Ансамбль красноармейской песни и пляски под руководством А.В. Александрова). Однако по завершении ремонтных работ и перестройки внутренних помещений Большого Кремлевского дворца (1936 г.), когда в Георгиевском зале была выстроена специальная концертная эстрада (сцена), они стали по масштабам своих программ вровень с концертами, которые устраивались в Большом театре.

Со времени возникновения Комитета по делам искусств при СНК СССР (1936 г.) программы кремлевских концертов неизменно составлялись в этом Комитете, а затем шли на утверждение Председателя СНК СССР В.М. Молотова. Составление подобных программ «приняло солидный государственный размах»⁶².

На праздничных концертах, которыми сопровождалась кремлевские приемы, был представлен весь цвет советского исполнительского искусства. В

⁶⁰ См.: Невежин В.А. Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М.: СПб., 2003; *он же*. Сталин о войне. Застольные речи 1933—1945 гг. М., 2007.

⁶¹ Лядов П.Ф. Указ. соч. С. 118, 119

⁶² Елагин Ю.Б. Укрощение искусства. М., 2002. С. 320.

них участвовало порой одновременно до 400–500 артистов и музыкантов⁶³. Здесь выступали певцы И.С. Козловский, М.Д. Михайлов, М.О. Рейзен, певицы А.В. Нежданова, В.В. Барсова, В.А. Давыдова, Л.О. Утёсов, скрипач Д.Ф. Ойстрах, балерина О.В. Лепешинская, актер-кукольник С.В. Образцов, Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски Союза ССР под управлением А.В. Александрова, танцевальный ансамбль народного танца под управлением И.А. Моисеева и многие другие.

Сохранившиеся концертные программы могут в какой-то степени прояснить вопрос о музыкальных и артистических пристрастиях вождя и его ближайшего окружения. Например, во время банкета 23 августа 1937 г. концерт состоял из двух отделений. В первом отделении прозвучало 14 классических музыкальных номеров. При этом ровно половина из них принадлежала русским композиторам (М.М. Ипполитов-Иванов, А.Е. Варламов, П.И. Чайковский, А.С. Даргомыжский, М.П. Мусоргский), а другая половина — зарубежным (И. Брамс, Ф. Крейслер, Н. Паганини, Л. Делиб, Д. Россини, Ш. Лекок). Минимальный «перевес» в сторону отечественной музыки возник в программе лишь благодаря тому, что в нее была включена одна русская песня («Ах, ты, Ванька»). В первом отделении также был представлен номер артиста-кукольника С.В. Образцова, выступали скрипач Д.Ф. Ойстрах, певцы С.Я. Лемешев, П.М. Норцов, М.Д. Михайлов, певицы Е.Д. Кругликова, В.А. Давыдова, В.В. Барсова. Во втором отделении свое мастерство продемонстрировали солисты Краснознаменного ансамбля песни и пляски Красной армии под управлением А.В. Александрова⁶⁴.

Судя по сохранившимся программам концертов других больших кремлевских приемов, в Георгиевском зале, помимо классических музыкальных произведений, также исполнялись русские, украинские и белорусские народные, казачьи, советские песни, исполнялись вальсы и марши, были представлены танцевальные, балетные и цирковые номера. Юмористические рассказы А.П. Чехова читали И.М. Москвин, В.А. Вербицкий, И.В. Ильинский. Неизменно звучала «Застольная песня» Л. Бетховена, которую исполняли П.М. Норцов или М.Д. Михайлов.

Однако, несмотря на высокий в целом уровень исполнительского искусства участников концертов и на значительное разнообразие концертных номеров, их восприятие снижалось в условиях, когда внимание гостей-слушателей отвлекалось от концерта собственно застольем: потреблением яств, выпивкой, застольными разговорами⁶⁵.

Несомненно, большие кремлевские приемы (банкеты) являлись одной из форм общения в советской политической среде. Только в предвоенный период

⁶³ Елагин Ю.Б. Указ. соч. С. 332.

⁶⁴ Неvejeин В.А. Застолья Иосифа Сталина. Кн. 1. С. 297-298.

⁶⁵ Там же. Гл.4.

(с мая 1935 по май 1941 гг.) В Кремле был проведен 41 большой кремлевский прием. Для сравнения, за этот же период имело место всего лишь 14 партийных форумов (12 Пленумов ЦК, один съезд партии, одна партийная конференция). Эти сведения могут служить лишним подтверждением высокого статуса больших кремлевских приемов.

Торжественные застолья в Кремле, имевшие собственный особый церемониал, относились к разряду мероприятий государственного масштаба, сыгравших решающую роль не только в деле укрепления личной власти И.В. Сталина, но и для консолидации вокруг него представителей советской политической, военной, экономической и интеллектуальной элиты советского общества.